

Мэриан наблюдала, как врач – одна из коллег ее мужа, женщина крайне квалифицированная для такой простой вещи, как роды, но они не хотели рисковать, – взяла ребенка в свои руки.

Дыхание Мэриан было прерывистым от усталости, а разум затуманенным от обезболивающего, которое вводили внутривенно в кровоток, но ее счастье от рождения дочери перевесило все это. Во время беременности были некоторые осложнения, и какое-то время они с Аароном даже боялись, что могут потерять ребенка.

Теперь, однако, казалось, что всё закончилось на хорошей ноте. Мэриан могла видеть, как её дочь, голову которой уже венчал маленький клочок непослушных черных волос, махала руками и ногами, словно пытаясь вырваться из хватки доктора, который держал ее. Аарон был рядом с Мэриан, держал ее за руку и улыбался ей той теплой улыбкой, которую она так любила, и она почувствовала, как все ее тело расслабилось.

Вскоре, однако, она заметила, что что-то не так.

Ребенок не плакал.

Что-то пошло не так? Что-то случилось с моей дочерью? Нет! Нет, нет, этого не может быть! Это не может быть правдой!

Сердце Мэриан заколотилось в груди, громко застучало в висках. Ее дыхание стало еще более прерывистым, когда она увидела, как доктор нахмурился в беспокойстве. Женщина ущипнула ребенка за кожу и щёлкнула по её ступням.

Мэриан попыталась заговорить, спросить, не может ли она чем-нибудь помочь, но во рту у неё пересохло. У нее перехватило горло. Краем глаза она видела, как Аарон выпустил её руку и бросился к доктору, делая то, что она не могла.

Через несколько секунд врач осторожно прижала свою руку к груди ребенка, затем поднесла палец к ее носу, проверяя дыхание, прежде чем ее лицо, наконец, немного расслабилось. Женщина подняла голову и посмотрела на Аарона, успокаивающе кивнув.

Затем она повернулась к Мэриан, все еще лежащей на своей высокотехнологичной родильной кровати:

- Мэриан, не волнуйся, ребенок дышит нормально. Было бы неплохо позже провести несколько обследований для надежности, но ее легкие, видимо, должным образом расширились, и она, похоже, не испытывает никакой боли. С вашей дочерью все в порядке.

Внезапно Мэриан выдохнула воздух, который, сама того не заметив, задержала, и позволила себе откинуться на кучу подушек, сложенных за спиной.

- Я хочу увидеть ее, - сказала она приглушенным голосом.

- Конечно.

Доктор подошла ровной и плавной походкой, стараясь не трясти ребенка на руках, затем наклонилась вперед и медленно передала Мэриан ее новое сокровище, прежде чем тихо выйти из комнаты, оставив семью наедине.

- Привет, - проворковала Мэриан, бережно обнимая свою драгоценную дочь.

Девочка по-прежнему не издавала ни звука. Она не улыбалась и не хмурилась. Она лишь молча смотрела на свою мать любопытными глазами, зелёная радужки которых были такими насыщенными и яркими, что их цвет казался почти что неестественным.

Кончики губ Мэриан невольно приподнялись от чистой радости, когда она нежно провела тыльной стороной пальца по мягкой щеке дочери. Когда она заметила этот жест привязанности, малышка открыла рот, но не издала ни звука - возможно, она просто изумилась чему-то, чего никогда раньше не испытывала, - затем протянула крошечную неуклюжую ручку, чтобы взять палец Мэриан удивительно сильной хваткой и направить его в её собственный рот.

Непроизвольный смешок подступил к горлу Мэриан, когда уровни привлекательности перегрузили все измерительные приборы, когда-либо изобретаемые человеком.

Она быстро взглянула на Аарона, стоявшего рядом с ней, который, как она заметила, разделял ее взгляд, полный почти маниакального счастья:

- Смотри, она пытается меня есть.

Аарону тоже пришлось сдерживаться, чтобы не засмеяться, когда он наблюдал, как его маленькая дочь сосет палец Мэриан все еще с тем же бесстрастным выражением лица, как будто она даже не осознавала, что делает что-то смешное. Он протянул руку и мягко потер ее лоб подушечкой большого пальца. Ее поразительные зеленые глаза метнулись к нему.

Он удовлетворенно вздохнул:

- Она прекрасный ребенок.

- Так и есть, - согласилась Мэриан.

- И очень тихий. Это хорошо. После нашего опыта с ее сестрой мне не помешал бы спокойный ребенок. Это будет долгожданное изменение темпа.

Мэриан уже собиралась посмеяться над жалобами мужа, когда заметила, что девочка у нее на руках медленно закрывает глаза. Не прошло и секунды, как ее дыхание выровнялось и стало спокойным, как во сне. Даже после этого Мэриан медленно раскачивала ее назад и вперед, чтобы помочь ей крепче заснуть.

- Давай, передай ее сюда, - тихо сказал Аарон. - Тебе тоже следует немного отдохнуть. Дети уже спят. Завтра они познакомятся со своей новой младшей сестрой.

Когда Аарон взял ребенка на руки, Мэриан вспомнила еще об одном деле, которое им нужно было быстро уладить:

- А как насчет ее имени? Мы придерживаемся того, что решили?

Аарон решительно кивнул:

- Почему бы и нет? Это хорошее имя. Я уверен, что оно ей понравится.

Мэриан удовлетворенно улыбнулась. Она была той, кто придумал это имя:

- Тогда добро пожаловать в семью, маленькая Нова. - Она слегка взъерошила волосы дочери, стараясь не разбудить ее, прежде чем снова лечь на свою кровать и закрыть глаза.

Когда она услышала шаги Аарона, выходящего из палаты в частной клинике, сон быстро овладел ею.

# # #

Фух. Это, конечно, было что-то.

Дремля на руках у отца, пока он шел по безукоризненно чистому больничному коридору, она не могла не задуматься о том, что роды с точки зрения ребенка не были веселыми. Она понятия не имела, были ли они хуже для матери - и никогда не узнает, в соответствии с особенностью, которую она выбрала, - но все равно это было довольно плохо.

Наверное, хуже всего была внезапная сенсорная перегрузка. Ужасное давление, пытающееся раздавить ее тело со всех сторон, затем яркий свет, громкие звуки, тяжелые запахи и вес воздуха на ее коже, резко обрушившиеся на нее. Это было довольно неприятно, и ей потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть. Возможно, в этом были виноваты ее обостренные ощущения. Хотя они, вероятно, еще не развились полностью, они уже были острыми, отчетливыми и ясными.

Ситуация не улучшилась, когда эта сумасшедшая ученая в белом халате внезапно решила

пощипать ее тело везде, куда она могла дотянуться, как будто проверяя пределы устойчивости ее кожи к растяжению.

Так вот, это было чертовски больно.

Не до такой степени, чтобы расплакаться, но определенно до такой степени, чтобы закричать. Именно в тот момент она поняла, что не может – еще раз, все в соответствии с ее особенностями. Единственное, что прошло через ее горло и вышло изо рта, было что-то вроде вздоха, беззвучного и тихого. И даже когда она почувствовала боль, ее брови не нахмурились, глаза не прищурились, губы не надулись. Она была в состоянии – или, точнее, была вынуждена – сохранять то же самое пустое выражение лица все это время. Она пыталась сделать сознательное усилие, чтобы преодолеть это ограничение, но потерпела неудачу. Не то чтобы ее мышцы сопротивлялись ее попыткам, и она напрягалась, преодолевая это сопротивление; просто они изначально не реагировали, как будто нервов, которые должны были передавать электрические импульсы от ее мозга к мышцам, вообще не существовало. В первую очередь, не было ничего, что можно было бы напрячь.

По крайней мере, похоже, что ее родители еще не заметили этой проблемы.

Родители...

Это слово чувствовалось чуждым в её разуме. В ее прошлой жизни ее родители были давно мертвы, как и все остальные члены ее семьи.

Ее прошлой семьи.

Теперь у нее была новая.

Они казались хорошими людьми. Безусловно, казалось, что они любили ее, как и положено родителям. Так что было маловероятно, что с ней будут плохо обращаться, – хотя она все равно должна была быть осторожна с культурными различиями. Физическое наказание или брак по договоренности были опасностями, которые вполне могли бы выбить почву из-под ее ног в этом странном новом мире. В зависимости от ситуации ей, возможно, придется действовать, чтобы исправить ситуацию.

Оба ее родителя были с белой кожей. У ее матери были черные как смоль волосы и черные как смоль глаза, контрастировавшие с ее бледной кожей, в то время как ее отец был несколько более разноцветным. Его волосы были светло-золотистыми, и, казалось, они должны сиять на солнце. Его глаза были пронзительно голубыми, и у него была такая сильная челюсть правосудия, которой могли бы гордиться супергерои комиксов. Фактически, не только его челюсть напоминала белокурого Кларка Кента[1]. Мужчина был сложен, как кирпичный сортир, и, вероятно, имел привычку делать жим с одним или двумя танками по утрам.

Они оба говорили на странном языке, который звучал довольно музыкально, даже когда ее

отец говорил на нем своим сильным баритоном, который она никак не могла распознать. Осматривая комнату, пока мать держала ее на руках, она заметила тексты, написанные тут и там идеограммами[2] вместо более узнаваемых букв алфавита. И ни одна из этих идеограмм не была ни на что похожа. Определенно не китайский, японский или корейский. Они не были ни тайскими, ни хинди, ни какой-либо другой письменностью такого рода.

Но, в любом случае, ее семья казалась хорошими людьми.

На самом деле их явная доброта заставляла ее чувствовать себя немного виноватой. Случайность сделала ее их ребенком, но они не могли знать, что придурок, скрывающийся за этим бесстрастным лицом, намеренно решил стать немым и невыразительным – в значительной степени неспособным проявлять привязанность. Когда она прокручивала свой лист персонажа, она на самом деле никогда не задумывалась о том, как ее новые родители отнесутся к этим ее особенностям. Конечно, эти особенности дали ей очки и прочную основу для роста, но какой родитель хотел бы, чтобы его ребенок навсегда остался неспособным говорить, навсегда остался неспособным показывать эмоции на лице, навсегда остался неспособным рожать детей?

Она видела их встревоженные лица, когда они думали, что с их маленькой девочкой случилось что-то плохое.

И поэтому она попыталась проявить привязанность другим способом и успокоить их, как могла, ведя себя мило и игриво кусая палец своей матери – хотя у нее еще не было зубов.

Некоторых может встревожить мысль о том, что кто-то с умом 53-летнего информатика с двумя различными докторскими степенями в области искусственного интеллекта и машинного обучения пытается вести себя мило.

Но не её.

Смущение?

Чего тут было смущаться? Дочери должны показывать свою любовь к своим родителям, а дети должны вести себя как дети. У нее абсолютно точно не было никакого намерения начинать вести себя задумчиво, зрело и всезнающе, пока не наступит подходящий возраст для такого рода вещей. Выглядеть как причуда природы – или, может быть, даже как какое-то одержимое демонами чудовище, подлежащее сожжению на костре, если местная культура больше склоняется в этом направлении, – определенно не входило в ее расписание.

Конечно, у нее также не было никаких намерений ограничивать или сдерживать свои собственные способности только ради анонимности. Она не забыла, что всего через несколько лет ее ждут таинственные испытания, и она намеревалась быть готовой встретить их.

Предстояло проделать много работы, и у нее как раз были нужные инструменты. Даже сейчас,

всего через несколько минут после ее собственного рождения, она чувствовала, как ее мозг перегружается, выстреливая мысли со скоростью света, в то время как воспоминания о ее прошлой жизни становились все острее и острее с каждой секундой, как будто ее особенность 'совершенная память' выкапывала их и полировала забытыми деталями.

Похоже, моя улучшенная память также применяется и к моей прежней жизни. Они постепенно переходят на новый стандарт? Это какой-то бесплатный HD-ремастер моей старой жизни?

По-видимому, ни одно воспоминание никогда не забывалось. Ее разум был заполнен образами ее прежней жизни, постепенно уходящими все дальше и дальше в прошлое.

Хотя было еще 53 года таких воспоминаний. Вероятно, это займет еще некоторое время.

Не похоже, что мне нужно бодрствовать для этого.

Поскольку она уже так устала сразу после своего прибытия, она могла бы воспользоваться этой возможностью, чтобы немного поспать. Она изучит свои реконструированные воспоминания после пробуждения.

В любом случае, с Кларком Кентом, находящимся здесь для ее защиты, ей, скорее всего, не грозила бы никакая опасность. Этот человек, вероятно, мог бы уничтожить любую угрозу, напрягая свои бицепсы в общем направлении.

Когда ее сознание затуманивалось, последней мыслью, которую она смогла правильно сформулировать, было то, что она все еще не знает своего собственного имени. Она надеялась, что оно будет хорошим.

1. Кларк Кент - главный герой сериала 'Тайны Смолвиля'. Является адаптированной версией супергероя Супермена. Кларк - сверхсильный инопланетянин с планеты Криптон, который живёт в Смолвиле и работает в Метрополисе в качестве репортёра в Daily Planet.

Также Кларк Кент — имя суперзлодея Ультрамена с Анти-Земли. Альтернативная версия Супермена.

2. Идеограмма - письменный знак или условное изображение, рисунок, соответствующий определённой идее автора, в отличие от, например, логограммы или фонограммы, основанных на каком-то слове, фонеме соответственно. Из идеограмм состоят иероглифы.

<http://tl.rulate.ru/book/75680/2252997>